

С.М. Бахлина

аспирант кафедры бурятского языка Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

Категория переходности/непереходности в современном бурятском языке

В статье анализируется грамматическая категория переходности/непереходности глагольных основ, которая имеет определяющее значение в образовании залоговых форм в монгольских языках. Многоаспектность описываемого объекта требует комплексного и системного подхода к его изучению не только в парадигматическом, но и в синтагматическом плане.

S. Bakhlina

Category of transition/untransition in modern buryat language

In studying of grammatic category's deposit buryat's and other Mongolian languages, as it seems, linguistic material hasn't accumulated which could let sum them up for theoretic and comparisonable – historic researches. The deposit present's itself a difficult category in buryat language, carrying mixed, brightly-expressed lexic-grammatical character.

Грамматическая категория переходности/непереходности глагольных основ имеет определяющее значение в образовании глагольных залоговых форм в монгольских языках. Г.Д. Санжеев отмечал, что глагольные залоговые формы в большинстве случаев образуются только от основ переходных глаголов (1, с.55). В силу традиций в описательных грамматиках современных монгольских языков, в частности бурятского языка, до сих пор не уточнен характер образования залоговых форм глагола. Например, залоговые аффиксы авторы бурятских грамматик всех типов – научных, учебных – безоговорочно относят к формам глагола, т.е. к формообразованию. Однако большинство признаков залоговых глаголов свидетельствует о том, что производные глаголы, образованные от основ непереходных глаголов посредством залоговых суффиксов, имеют словообразовательное значение, т.е. они являются глаголами, имеющими совершенно самостоятельное значение, отличное от производящих глагольных основ с переходным значением.

В русском языкознании все залоговые глаголы, за исключением действительного, характеризуются рядом лексико-грамматических особенностей: они служат дополнительным критерием для установления переходности и непереходности глаголов в производных основах по значению и связям с объектом-дополнением, ибо залоговые отношения внутри предложения обычно бывают трехсторонние между субъектом и его действием и через это отношение между действием и его объектом (2, с.94). Ввиду этого отношения между последними двумя компонентами предложения выступают как выражение направленности действия на объект или отсутствие объекта, на который направлялось бы действие.

Анализ современного состояния категории переходности/непереходности показывает, что эта категория претерпела определенные исторические изменения в сторону её грамматикализации. Об этом свидетельствует следующее: 1) переходность/непереходность считается категорией, присущей только глаголу (В.Л. Котвич, как и Я. Шмидт, делит глаголы на две группы: переходные и непереходные). Непереходные глаголы движения посредством залоговых суффиксов образуют формы переходных глаголов, например, в предложении: *Эрэ хүниие ябуулан хэлэхэ, эхэнэр хүниие эсхүүлэн хэлэхэ ёһо биш юм* «Есть обычай благоволить мужчине странствовать, а женщине-мастерице кроить» – деепричастные формы *ябуулан* и *эсхүүлэн* даны в побудительном залоге, преобразующем непереходный глагол движения *ябаха* «ходить» в переходный глагол, требующий постановки существительного *хүн* «человек» в винительном падеже («хүниие») (1, с. 95); 2) переходные глаголы, благодаря залоговым суффиксам, могут приобретать значение непереходности или во всяком случае могут употребляться без намека на направленность действия на объект: *Тэрэ олон зоной нааданда минии барилдаха ехэ бэрхэтэй хэрэг байгаа* «Мне было трудно бороться на таком большом гулянии», где переходный глагол *бари* «держи», благодаря суффиксу взаимного залога *-лд(a)*, приобретает новый лексический оттенок и значение непереходности, т.е. не указывает на направление действия на объект; 3) залоговое оформление бурятских глаголов имеет словообразовательный характер, и на этом

основании взаимоотношение между компонентами в предложении становится иным. Например, в предложении *Хуушан болоһон юу хээгээ хаяха хэрэгтэй* «Нужно выбросить всё то, что пришло в негодность» глагол *хаяха* управляет дополнением *юу хээгээ* «вещь» и требует постановки его в винительном падеже (3, с.52); 4) в зависимости от определения действия субъекта глаголы в бурятском языке подразделяются на активные и пассивные. Данные особенности глагола заложены в самой его природе и выражают характер отношения действия к его субъекту: а) глаголы движения, выражающие действия, исходящие от субъекта и направленные к объекту, всегда будут активными; б) переходные глаголы, выражающие произвольные действия, входят в категорию пассивных глаголов.

Если относительно русского языка существует мнение, что «только переходные глаголы имеют категорию залога, так как только переходные глаголы способны изменять свои отношения с субъектом и объектом», то Г.Д. Санжеев, специально исследовавший залоговые конструкции в монгольских языках, пришёл к выводу, что, в частности, «в бурятском языке непереходные глаголы могут иногда наравне с переходными участвовать в образовании различных залогов, в частности, страдательного залога» (1, с. 56). Вывод Г.Д. Санжеева нуждается, на наш взгляд, в некотором уточнении, поскольку в бурятском языке залоговые конструкции образуются главным образом от активных глагольных основ, независимо от того, являются ли они переходными или непереходными. Иначе говоря, пассивные по своей семантике глаголы большей частью не принимают залогообразующих суффиксов. Например, от глаголов *эди* «есть» и *гуй* «бегать», несмотря на то, что первый из них – переходный, а второй – непереходный, образуются аналогичные залоговые формы: а) побудительный – *эдиул* «заставить есть», *гуйлгэ* «заставить бежать»; б) страдательная – *эдигдэ* «быть съедасмым», *гуйгдэ* «заниматься бегом»; в) содействовательная – *эдилсэ* «помогать есть», *гуйлсэ* «бежать заодно с кем-либо»; г) взаимная – *эдилдэ* (перен.) «вести между собой смертельную борьбу» (4, с.97).

Между тем такие глаголы, как *аараха* «давать осечку (о ружье)», *барсайха* «быть шероховатым», *гансадаха* «показаться в одиночестве», *хаараха* «закрывать» и т.п., будучи пассивными, как правило, не употребляются в формулах залогов. Вместе с тем от отдельных из них при помощи суффикса побудительного залога могут быть образованы активно-переходные глаголы, входящие в ряды залогообразующих основ: *аара* «давать осечку (о ружье)» – *ааруул+уул* «осекаться», *ааруулга* «давать возможность осекаться», *ааруулагда* «подвергаться осечке» (5, с.171-185). Как видим, В.М. Егудурова относит их к пассивным, но вряд ли эти глаголы пассивные.

В широком понимании активности: когда действие исходит от субъекта, на синтаксическом уровне это выражено соответствием субъекта подлежащему: соответствие субъекта подлежащему следует назвать признаком актива, а несоответствие субъекта подлежащему – признаком пассива. При этом учитывается действие, в котором, кроме собственно процесса, состояния (спать, болеть и т.д.), понимается и отношение (соответствовать, находиться и т.д.). Субъект понимается как лицо (предмет), производящее действие. Например, *Бата барьяа...* – *Бата баригдаба*. В первом случае подлежащее соответствует лицу, выполнившему действие, а во втором случае действие выполнил кто-то другой (если этот кто-то другой обозначен в предложении, то это трехкомпонентная пассивная конструкция, а если нет: *сай барагдаба* «никому не придет в голову выяснять, кто выпил чай», – то это двухкомпонентный пассив). Приведенные типы конструкций определяются в зависимости от того, употребляется ли двухкомпонентная или трехкомпонентная, т.е. с двумя предикатными актантами, конструкция.

Рассмотрение несоответствия субъекта подлежащему как признака пассива помогает правильно квалифицировать неканонические пассивные конструкции: *альга эдихэ* «получил пощечину», *адиста хуртэхэ* «получил благословение» – *уртэ орохо* «вошел в сугроб», когда форма глагола активная, но она находится в противоре- с с пассивным содержанием: человек не может сам себе дать пощечину и т.д. В этих примерах вспомогательные глаголы *хуртэхэ*, *орохо* обслуживают грамматическую периферию залоговости, выражая залоговые (пассивные) значения лексическим, аналитическим способом, в отличие от случаев *эдеэгдэхэ*, *хуртуулхэ*, когда это делается с помощью формального показателя суффикса (-гдэ и -л).

Залог в бурятском языке представляет собой сложную категорию с ярко выраженным лексико-грамматическим характером. Лексичность залога наглядно проявляется, в частности, в том, что глаголы, получившие залогообразующие суффиксы, оказываются в состоянии присоединять к себе словоизменительные формы глагольных времен и наклонений.

Исследователи, признавая релевантность различия переходности/непереходности, специально на этой проблеме не останавливаются, за исключением В.И. Цинциус (6, с.284), А.П. Аверьяновой (7, с.3-11). Судя по исследованиям, вопрос о переходных и непереходных значениях глагола или вопрос о переходных и непереходных глаголах, тесно связывается с категорией залога. В.И. Цинциус указывает, что при отсутствии особого интранзитивного и транзитивного спряжения «тунгусо-маньчжурские языки располагают морфологическими и отчасти фонетическими средствами модификации глагольной основы, оказывающими прямое влияние на семантико-синтаксический потенциал переходности-непереходности. Поскольку эти средства связаны с выражением субъектно-объектных отношений, их следует квалифицировать как залоговые формы» (6, с. 52).

В лингвистической литературе часто встречаются факты, свидетельствующие о том, что эта категория имеет исторический характер и сформировалась относительно поздно. Это показали А.В. Десницкая на материале древнегреческого языка и М.М. Гухман – на материале германских языков. Г.И. Рамstedт в монографии «Введение в алтайское языкознание» отмечает: «Наиболее развитая система образования вторичных основ существует в тунгусском языке, которая обладает чуть ли не бесчисленными возможностями варьировать выражение разнообразных видов и залогов какого-либо действия. Однако способность эта не уходит своими корнями в «праалтайский язык» и является результатом длительного, постепенного и специфического развития» (8, с.160-161). Исторический характер образования залоговых форм, в том числе переходности/непереходности, не отрицается и известным алтаистом В. Котвичем (9), видными исследователями тунгусо-маньчжурских языков В.И. Цинциус, О.П. Суником (10), А.П. Аверьяновой. Конечно, трудно определить первоначальное состояние глагольных основ с точки зрения наличия или отсутствия категории переходности/непереходности, не имея древних памятников письменности. Тем не менее анализ современного состояния категории переходности/непереходности, особенно в сравнении с данными других монгольских языков, показывает, что эта категория претерпела определенные исторические изменения в сторону ее грамматикализации.

Залоговость – языковая универсалия, являющаяся одной из наиболее дискуссионных в грамматике – факт, отмечавшийся многими отечественными и зарубежными лингвистами. К спорным вопросам как в общей проблеме теории грамматического залога, так и в описаниях залога, построенных на материале конкретных языков, относятся такие как определение залоговой семантики и характера залоговых противопоставлений, интерпретация залога с точки зрения его уровневой принадлежности и многие другие.

В традиционной грамматике категория залога трактуется как морфологическая категория глагола, которая, как и всякая морфологическая категория, представлена противопоставлением категориальных форм действительного и страдательного залога (3, с.145). Морфологическая концепция залога в русском языке разрабатывалась Ф.Ф. Фортунатовым, А.М. Пешковским. К морфологическому уровню относит категорию залога М.М. Гухман, отмечая, однако, при этом, что смысловая структура залоговых оппозиций в индоевропейских языках реализуется только в пределах определенных синтаксических отрезков. Аналогичная точка зрения была высказана и Р.В. Бассовой. Морфологической категорией, проявляющейся в противопоставлении «действительный залог – страдательный залог», считает залог И. Циммерман. Следует сказать, что такой вывод делается, несмотря на то, что при описании страдательного залога автор оперирует понятием подлежащего как члена предложения (6, с.250).

Однако, на наш взгляд, не следует утверждать, что включение залога в класс морфологических категорий отражает его сущность. Если употребление глагола в различных временных, аспектуальных и залоговых формах и можно рассматривать в качестве примеров вариативности в глагольной группе, то при этом необходимо констатировать, что это – явление разного порядка, так как вариативность временных и аспектуальных форм глагола относится к самому глаголу, а вариативность активных и пассивных форм затрагивает и другие члены предложения, составляя основу критического пересмотра чисто «морфологического» подхода к залогу.

На необходимость учитывать синтаксические факторы при описании залоговых различий указывалось неоднократно как в отечественной, так и зарубежной литературе. Синтаксическую концепцию залога развивали известные русские ученые А.А. Потебня и И.И. Мещанинов, датский ученый О. Есперсен. На более тесную связь категории залога, в отличие от других глагольных категорий, с синтаксическим уровнем указывается и в лингвистической литературе

восемидесятых годов (6, с.96). Учитывая синтаксические связи глагола в предложении, А.М. Мухин считает необходимым рассматривать залог в синтаксическом плане, поскольку уязвимость его трактовки как морфологической категории, по справедливому замечанию автора, и состоит как раз в том, что залоговые значения глагола, его залоговые противопоставления описываются не сами по себе, а на базе синтаксических связей глагола в системе предложения.

Обозначение различных типов соответствий между актантами (членами предложения) и партиципантами (участниками ситуаций), которое считается содержанием залоговой оппозиции, свидетельствует, по мнению известного япониста А.А. Холодовича, о связи категории залога с синтаксисом предложения. Аналогичный точки зрения придерживается В.С. Храковский, отмечая, что в рамках универсального подхода к залогу его следует трактовать как синтаксическую категорию, реализация которой происходит в оппозиции исходной и производной синтаксической конструкции (11, с.130).

Своеобразие категории залога заключается в том, что она связана не с одним, а по крайней мере двумя уровнями языка – морфологическим и синтаксическим, что и учитывается при морфолого-синтаксическом подходе к его описанию. Преимущество морфолого-синтаксической теории залога в том, что ей удается преодолеть ограничиваемость как морфологической, так и синтаксической концепции залога. Однако, по нашему мнению, адекватное описание залога может быть достигнуто лишь при учете еще и лексического уровня, на котором мы получаем сведения о собственно лексической семантике глагольной леммы. Залоговая парадигма каждого глагола, как убедительно доказал Г.Г. Смирницкий, определяется его лексическим значением, различные залоговые разряды глаголов базируются на их различных лексико-семантических классах, а залог представляет собой, следовательно, многоплановую морфолого-лексико-синтаксическую (или лексико-синтаксическую) категорию, отображающую соотношение между лексическим типом глагола и синтаксической структурой глагольного предложения.

В последние десятилетия в отечественной лингвистике широкое распространение получило исследование залога с позиции семантического синтаксиса. Популярной является универсально-типологическая концепция диатез и залогов, разрабатываемая с конца 60-х гг. группой структурно-типологического изучения языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Исходным при описании залога является понятие соответствия (диатезы) (11, с.153). Диатеза означает соответствие актантов глагола (членов предложения) партиципантам (участникам ситуации). Различаются исходная и производная диатезы.

Если диатеза – это соответствие членов предложения партиципантами ситуации, то исходная (прямая) диатеза характеризует изоморфность. Партиципантов ситуации членам синтаксической структуры, т.е. Субъект занимает позицию 1-ого актанта, Объект – 2-го и т.д. Диатеза, фиксируемая в исходной конструкции, – исходная (прямая). Переход от исходной конструкции к производной, сопровождающийся изменением исходной диатезы, состоит в том, что партиципанты ситуации либо вовсе не обозначаются в предложении, либо обозначаются не теми членами предложения, что в исходной конструкции.

Залог определяется как, во-первых, деривационные отношения, связывающие исходную и производную конструкции, и, во-вторых, регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического и семантического уровней (6, с.308). Пассив (пассивные конструкции) определяется как производная конструкция, в которой в отличие от исходной обозначенный (лексически выраженный) в предложении конкретный субъект не занимает позиции подлежащего. Такие конструкции являются диатезами с «пассивной» маркировкой. Приведенное определение пассива позволяет подвести под данное понятие не только традиционный пассив, но также и безличные и каузативные предложения.

Определение залога с точки зрения соответствия семантического и синтаксического уровней не раскрывает особенности залоговой семантики глагола, тем более что один из авторов данной концепции утверждает: «Нет никакого специфического пассивного (страдательного) значения. Это значение, которое традиционно приписывается глаголу в пассивной конструкции, но разумным образом не определяется, является плодом добросовестных научных заблуждений» (11, с.99). Определение залога как обозначения в глаголе соответствия между единицами семантического и синтаксического уровней указывает на смысловое содержание лишь постольку, поскольку в нем употребляется форма и семантика (семантический уровень, т.е. субъект, объект).

Однако из этой формулировки неясно, какому смысловому заданию служит изменение соотношения между единицами семантического и синтаксического уровней предложения.

«Семантическим» дополнением к определению залога, предложенному А.А. Холодовичем и его последователями, может, очевидно, служить его описание с учетом направленности глагольного действия. Основу распространенного в лингвистике положения, будто значение страдательного залога состоит в направленности действия на подлежащее, составляет, как считает А.В. Бондарко, особенность 1-го актанта (подлежащего), сохраняющего семантическую специфику объекта исходной конструкции (2, с.74). Изменяя свою позицию по отношению к центру ситуации, глаголы-актанты не могут, однако, не влиять на характер глагольного действия. Они не просто заполняют позиции в ситуации, а являются её «активными» участниками, поскольку имеют собственное содержание. Процессы, действия не могут, как известно, восприниматься изолированно от предметов, так как они от них неотделимы. Эта особенность их взаимной связи проявляется в языковой репрезентации, в частности в залоговой форме глагола, сигнализирующей об определенной направленности процесса как результата взаимодействия понятийных категорий и действия с синтаксическим содержанием модели предложения, в которой они воплощаются.

Семантическое определение различия между активом и пассивом оказывается возможным при таком подходе к теории значения, когда не семантике противопоставляется грамматика (синтаксису), а в самой семантике различаются разные взаимодействующие между собой аспекты и уровни – языковые (в том числе и грамматические) значения и понятийные категории, языковая семантика и смысл. Грамматические теории актива и пассива характеризуются идентичностью смысла, так как они интерпретируют одни и те же понятийные категории субъекта и объекта в их понятийном соотношении с действием. Различия в залоговых отношениях актива и пассива являются различиями в языковой семантической интерпретации указанного понятийного соотношения; при активе глагольный признак представлен как исходящий от его носителя, в роли которого выступает Субъект, а при пассиве глагольный признак представлен как направленный на его носителя, в роли которого выступает Объект. Такой подход к залогу позволяет учесть не только морфологические, но и формально- и содержательно-синтаксические различия предложений, отличающихся по залогу. С таких позиций описывает залог А.В. Бондарко (2, с.208).

Грамматическая категория залога своей сутью, как известно, связана с предложением. Многоаспектность описываемого объекта требует комплексного и системного подхода к его изучению не только в парадигматическом, но и в синтагматическом плане.

В лингвистической литературе можно встретить большое количество определений залога. Приведем только некоторые из числа нетрадиционных. Например, Р. Якобсон, анализируя глагольные категории, разграничивает понятия сообщаемого факта, факта сообщения и участников того и другого факта. Залог, по его мнению, характеризует отношение между сообщаемым фактом и его участниками безотносительно к факту сообщения или говорящему лицу. В этом определении верно отмечено то обстоятельство, что залог базируется на отношении между фактом и его участниками (безотносительно), хотя и не разъяснено, в чем сущность этих отношений.

Залог как диатезная категория реализуется в двух основных функциях: актантносмещающей (конверсия) и актантноизменяющей (модификация) (11). В первом случае залоговая оппозиция меняет структуру предложения в терминах уровня 3, но может изменять ее в терминах уровня 4. Общее число и характер единиц уровня 2 (и уровня 1) при этом остаются неизменными. Типичным примером является оппозиция действительный (страдательный залог с полным набором актантов (актив и так называемый трехчленный пассив)).

В случае актантноизменяющей функции залога число актантов (единиц уровня 3) изменяется. Обычно в этом случае принято говорить об операции вычеркивания или опущения актантов. Считается, например, что в случае оппозиции: *Рабочие построили школу – Школа построена рабочими* (актив и так называемый двучленный пассив) происходит зачеркивание подлежащего, а в случае *Отец ругает сына – Отец ругается* – зачеркивание дополнения, в результате чего возникает производная диатеза с меньшим числом актантов. Однако порядок производности можно было бы перевернуть и считать, что при переходе от диатезы с меньшим числом актантов к диатезе с большим числом актантов происходит открытие новых валентностей у предиката до тех пор, пока каждый партиципрант ситуации, определяемой из лексикографического тол-

кования предиката, не будет выражен собственным актантом. Такое направление производности, полагаем, в большей степени соответствует принципу синтаксической деривации и позволяет интерпретировать каузатив в тех языках, где он относится к залогу как средство открытия дополнительной валентности у соответствующего предиката.

Хотя актантноизменяющую функцию связывают, прежде всего, с опущением единиц уровня 3, не являющегося семантическим, тем не менее такое опущение всегда семантически релевантно, так как приводит к замене семантических постоянных семантическими переменными. Ср.: *Плотники строят дом* и *Идет строительство* (т.е. *Кто-то строит что-то*). Такое опущение, правда, не затрагивает единицу уровня 1, т.е. семантических ролей, но затрагивает слова, которые этим ролям соответствуют. Уже этот факт, не говоря о других, которые отмечались выше, не позволяет утверждать, будто категория залога относится всецело к плану выражения. В категории залога, безусловно, имеются компоненты, работающие на план выражения, но в ней есть и характеристики, ориентированные на план содержания, причем в разных языках семантическая и синтаксическая нагрузка залога будет, по-видимому, различной.

В целом процесс образования залоговых словоформ тесно связан с переходностью и непереходностью их производящих основ. В связи с этим следует отметить, что производящие основы с переходным значением имеют большую продуктивность в образовании залоговых форм со словообразовательным значением, нежели непереходные производящие глагольные основы. Кроме того, образование залоговых форм глаголов в бурятском языке исходит, главным образом, из реального взаимоотношения предметов действительности, т.е. если предмет подлечит к действию, то от этого предмета можно образовать глагол со значением какого-либо действия. Употребление совместного и взаимного залогов показывает, что они по своему значению тесно связаны между собой и в большинстве случаев они взаимозаменяемы. Глаголы с взаимно-совместным значением образуются лишь от таких глаголов, которые могут служить обозначением как односторонних, так и двусторонних действий. Залоговые формы в бурятском языке не освободились от словообразовательных функций, т.е. бурятские залогообразующие суффиксы служат одновременно лексическими и грамматическими показателями.

Литература

1. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.-Л., 1941.
2. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. – Л., 1967.
3. Сажин Ж.С. Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков. – Улан-Удэ, 1984.
4. Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык: учебник. – Улан-Удэ, 1969.
5. Егудурова В.М. Сопоставительная характеристика категории вида и времени глаголов движения в современном бурятском и русском языках // Грамматическое своеобразие бурятского языка. – Улан-Удэ, 1987.
6. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского языка. – М., 1953.
7. Аверьянова А.П. Глаголы движения в современном русском языке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. – № 375. – Вып. 77: Исследования по грамматике русского языка. – Л., 1973.
8. Рамstedt Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М., 1957.
9. Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962.
10. Суник О.П. Проблема агглютинации в алтайских языках: докл. на междунар. конгр. востоковедов. – М., 1960.
11. Храковский В.С. Типология пассивных конструкций: Дистезы и залого. – Л., 1974.
12. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л., 1988.

Д.Б. Шойнзонова

ассистент Института филологии Забайкальского государственного педагогического университета
г. Чита

Серийные послелogi бурятского языка

В статье изучается серийность послелогов как явление многоуровневое, отражающее динамику языковых процессов. Рассмотрены двух-, трех-, семичленные системы послелогов.

D. Shoinzhonova

Multiple postpositions of the Buryat language

A group of postpositions of the Buryat language characterized by morphological structure, i.e. a multiple one, has been revealed in research process. The multiple postpositions have been formed on the basis of separate words expressing orientation in space.